Переведенный в 65-й Московский пехотный полк из Драгунского Новороссийского полка подпоручик Григорий Апполонович Колокольцев был назначен на должность взводного командира четвертой роты, дислоцированной в трех верстах от Новой Колпны, в деревеньке Озерки, с двумя раскинувшимися вокруг нее природными живописными озерами — Большим, уходящим своей лазурной гладью в заливные луга и молодую, поросшую осиной, зеленую дубраву, и Малым, вплотную подступающим своими водами к крайним крестьянским избам, из-за чего часто их затапливающим, особенно в осеннее ненастье и весеннюю распутицу. Двадцатилетний Григорий Колокольцев, с первых дней своего пребывания в полку, показал себя грамотным офицером, требовательным военачальником и заботливым командиром, чем быстро заслужил к себе уважение со стороны сослуживцев. Имея молодцеватый внешний вид, небольшие щеголеватые усы, карие глаза, небольшое родимое пятно на левой щеке и прекрасные дворянские манеры поведения, он быстро завоевывал, побеждал, покорял и разбивал многие непреступные доселе крепости, воздвигнутые из крестьянских, купеческих, мещанских и дворянских девичьих сердец.

Однажды глубокой осенью на полковых учениях взвод под его командованием, выполняя поставленную ему задачу, атаковал условного противника и захватил стратегически важные высоты, с которых Колокольцев увидел, как взвод третьей роты, под командованием поручика Стасюлевича, попал в окружение и уже готов был смириться со своей участью побежденного. Не раздумывая ни минуты, Колокольцев бросился на выручку своего союзника по учению, загнав себя и своих подчиненных по грудь в холодную, с комьями грязи и выпавшего талого снега воду. После окончания учения Стасюлевич подошел к стоявшему в мокрой и грязной одежде Колокольцеву.

— Хорошо было бы вам, подпоручик, в таком виде по Дворцовой площади в Петербурге парадом пройтись, чтобы царь наш самодержец увидел, как самоотверженное русское офицерство верой и правдой ему отечеству служит,— улыбаясь, проговорил Стасюлевич.

— А по мне, поручик, главное, не перед царем, а перед дамами в таком срамном виде не предстать,— ответил Колокольцев, вытирая рукой испачканное грязью лицо.

— Имею честь представиться, поручик Стасюлевич Александр Матвеевич, дворянин. С этого дня для вас просто Александр,— проговорил Стасюлевич, кивнув головой и щелкнув каблуками сапог.

— Подпоручик Григорий Апполонович Колокольцев, дворянин. Для вас просто Григорий.

— Судя по большим комьям грязи, прилипшим к вашим погонам, можно предположить, что вы не подпоручик, а генерал,— засмеялся Стасюлевич.

Они сняли перчатки и пожали друг другу руки. После этого случая между ними установилась настоящая мужская дружба.

Двадцатидвухлетний Александр Матвеевич Стасюлевич происходил родом из обрусевших польских дворян. Сын профессора, он отказался от карьеры юриста и последовал примеру своего старшего брата, офицера русской армии Матвея Матвеевича Стасюлевича, и положил свою жизнь на алтарь служения Отечеству. Высокого роста, стройный, с озорными искорками в ярких голубых глазах, с лихо закрученными вверх усами и большими бакенбардами Александр так же, как и Григорий, был уважаем среди сослуживцев и с не меньшим успехом умел покорять женское непокорство, к тому же ловелас Стасюлевич был заядлым кутилой и азартным картежником. Он то и привел Колокольцева в дом новоколпенского купца Богатырева, где свободные от службы офицеры полка коротали вечера за игрой в карты, винопитием и нескончаемыми разговорами о воинских баталиях и женщинах.

Дом купца Богатырева Дмитрия Фроловича был двухэтажным. Первый этаж был выстроен из камня, а второй поднимался деревянным, он был пристроен к дому позже, после того как хозяин, оставив продажу картофеля и капусты и получив в акцизном управлении разрешение на торговлю спиртным, разбогател. С увеличением благосостояния Дмитрия Фроловича увеличивалось и его семейство. Жена Пелагея Ивановна родила ему четверых сыновей и трех дочерей. Дети стали подрастать, и возникла необходимость расширять дом. Так был пристроен второй этаж, одну из комнат которого — большую залу — он предоставил для развлечения полковым офицерам, имея от них хороший доход, организовав на первом этаже в одной из свободных комнат, продажу белого, легкого и шампанского вин.

Под ярким светом, лившимся из-под оранжевого абажура, в густом табачном дыму, за большим круглым, обтянутым зеленой скатертью, столом, собравшиеся в большой зале офицеры играли в карты.

— Ваша карта бита, господин капитан,— произнес сидевший за столом Стасюлевич, кидая карту на заляпанную от пролитого вина скатерть.

Не вынимая изо рта папиросы, средних лет капитан откинулся на спинку стула и достал из кармана брюк несколько денежных купюр, небрежно бросил их на стол.

— Ваша взятка, господин поручик,— нехотя произнес он, при этом пепел с его папиросы обсыпался на расстегнутый мундир.

Еще несколько игравших в карты офицеров так же, как и капитан, достали деньги и выложили их на стол. Стасюлевич небрежно сдвинул их в сторону и, взяв колоду карт, начал сдавать. В зале, кроме играющих в карты, находились и другие офицеры, многие из которых сидели за небольшими самодельными столиками и пили вино. Было шумно и накурено.

— А правда ли, господин подпоручик, во время проведения полковых учений, вы были пленены и брошены условным противником в реку? — спросил у сидевшего здесь же Колокольцева один из офицеров, и после его вопроса раздался дружный смех.

— Да нет, господа, не в реку, а в грязь. Господина подпоручика солдаты и унтеры специально положили в грязь, чтобы его не заметил наступающий противник,— раздался веселый голос другого офицера, и присутствующие в зале офицеры, выпуская в потолок табачный дым, громко засмеялись.

Колокольцеву не понравились насмешки сослуживцев, и он заиграл желваками. Затем встал, налил себе вина и залпом выпил.

— Прекратите ржать, как лошади! — крикнул он, ставя опустошенный стакан на стол, но шум и смех не прекратился

— Не обращай на них внимания, Григорий,— не прекращая игры в карты, сказал Стасюлевич.— Господа! — обратился он к смеющимся офицерам.— Подпоручик Колокольцев совершил благородный поступок; он в сложных условиях пришел на выручку своим сослуживцам, и если, господа, это произошло бы на войне, он спас бы не одну жизнь. И смеяться над этим не нужно, это, господа, по крайней мере, глупо.

— Герою полковых учений подпоручику Колокольцеву наше троекратное, два коротких и одно длинное — ура! — прокричал все тот же офицер.

— Ура! Ура! Ур-а-а-а! — дружно отозвались остальные, и кто-то сунул Григорию в руку фужер с шампанским вином.— До дна, подпоручик, до дна!

Григорий выпил и, зная традиции офицерства, ударил фужер об пол, он разлетелся вдребезги. Увидев это, многие офицеры тоже стали бить свои фужеры об пол и стены. Всюду стоял звон разбиваемого стекла, слышались возгласы и смех.

— Качать Колокольцева, качать!— раздалось со всех сторон, и в тот же миг несколько сильных рук подхватили Григория под руки, схватили за ноги и начали подбрасывать к потолку.

— Господа, прекратите, я прошу вас, господа! Что вы делаете?! Не нужно, умоляю вас, господа! — кричал Колокольцев, с ужасом наблюдая, как он то и дело подлетает вверх и того и гляди стукнется лицом о потолок. Наконец-то под громкие улюлюканья, Колокольцева поставили на ноги.

Со стороны играющих в карты офицеров послышался шум и оживленные возгласы.

— Вам, поручик, просто сегодня повезло,— проговорил капитан, вставая из-за стола.— Ваша карта пошла в масть,— произнес он, смотря на Стасюлевича.

— Предлагаю отыграться,— улыбаясь, произнес Стасюлевич.

— У меня нет денег,— с грустью в голосе ответил капитан.

— Играйте в долг, капитан,— предложил Стасюлевич.

— Отлично! Я согласен! — оживился капитан.

— Прекратите, Денис Арнольдович,— стоявший рядом пожилой штабной офицер схватил капитана за запястье руки, стараясь остановить его.

— Что?! Вы мне, боевому офицеру, предлагаете принять поражение от этого юнца?! От этого мальчишки?! Прочь, не мешайте! — капитан оттолкнул от себя штабного офицера.— Сдавайте карту, поручик! — тоном, не терпящим возражения, приказал капитан.

— Сколько ставите на кон, господин капитан? — спросил Стасюлевич, начиная тасовать карточную колоду.

— Ваше слово, поручик,— капитан до конца расстегнул мундир, уселся за игральный стол, развел в разные стороны руки и, словно собираясь играть на пианино, стал с хрустом разминать пальцы.— Сдавайте! — вновь повторил он.

Стасюлевич раздал по три карты.

— Так сколько ставите на кон? — вновь спросил он.

— Ваше слово, поручик,— капитан буравящим взглядом стал смотреть на Стасюлевича.

— Предлагаю… тысячу на все мои выигранные деньги,— предложил Стасюлевич, не отводя взгляда от взгляда капитана.

Услышав названную сумму, капитан вздрогнул. Он прекрасно понимал, что в случае проигрыша ему таких денег не найти и чтобы расплатиться с долгом, придется заложить свое имение, но отступать было поздно, и он согласился.

— Согласен,— тихим голосом проговорил он, и лишь слегка дернувшееся веко на левом глазу, выдало в нем волнение.— Я согласен,— вновь повторил он уже громко, после чего кто-то из присутствующих офицеров присвистнул, и в зале наступила тишина. Все обступили играющих.

— Ну, тогда вскрывайте, Денис Арнольдович,— предложил Стасюлевич.

Капитан взял карты и стал медленно с придыханием их переворачивать. Затем вновь положил их одна на одну и прикрыл рукой.

— Еще! — чуть подумав, произнес он, и Стасюлевич вбросил ему одну карту. Тот взял ее и прижал к груди. Посидев в таком положении несколько секунд, он заглянул в карту.— Еще,— сквозь зубы произнес капитан, и Александр Матвеевич, улыбнувшись, вбросил ему карту. Денис Арнольдович быстро чуть ли не на лету схватил ее и приоткрыл.— Себе,— тихо приказал он.

Стасюлевич взял из колоды одну карту и приоткрыл ее. Затем он взял со стола все карты и веером бросил их на стол.

— Кон! — в полной тишине, произнес он.— Ваша карта бита, господин капитан.

Денис Арнольдович со злостью швырнул карты на стол, опустил голову и обхватил ее руками.

— Я разорен, я разорен! Поручик, вы меня разорили! — стал он причитать, взъерошив руками волосы.— Вы, поручик, вы… вы шулер! — срывающимся голосом громко воскликнул капитан и взглянул на Стасюлевича.

— Видит Бог, я играл с вами честно,— ответил ему Стасюлевич.— Вот господа офицеры могут засвидетельствовать это,— добавил он, обведя рукой стоявших офицеров, и многие из них в знак согласия закивали головами.

— Тогда вы дьявол! — тихо изрек капитан, уставившись на Стасюлевича недобрым взглядом.— Господа, я вам всем заявляю, что поручик Стасюлевич дьявол! — громко произнес капитан, и в зале сразу стало шумно.

— Полноте вам, Денис Арнольдович, ну какой же я дьявол? У меня нет ни хвоста, ни рожек, ни копыт, ни шерсти. Вот хотите, потрогайте мою руку, она без шерсти,— произнес Стасюлевич, и протянул капитану руку, после чего стоявшие рядом офицеры оживились, многие из них стали смеяться.— Лучше скажите мне, любезнейший Денис Арнольдович, когда вы намерены отдать мне деньги? — спросил Александр Матвеевич.

— А я утверждаю: вы, Стасюлевич, дьявол! — вновь повторил капитан, не обратив внимания на заданный ему вопрос.

— Денис Арнольдович, дорогой мой, уж не тронулись ли вы рассудком от проигрыша, видя во мне дьявола? — искренне забеспокоился Александр Матвеевич.

— Вы же меня разорили! — со вздохом в голосе тихо произнес капитан и опустил голову на грудь. Лицо его побелело, руки тряслись, и он долго не мог прикурить папиросу.

— Вина господину капитану! — крикнул кто-то из присутствующих, и тут же Денису Арнольдовичу протянули фужер с шампанским.

— Вина, дайте крепкого белого вина,— прокричал Денис Арнольдович и в ярости швырнул фужер с шампанским на пол.

— Не хотите ли, господин капитан, получить еще один шанс и отыграться? — задал вопрос Стасюлевич, поднося подсвечник с горящей свечой к папиросе капитана.

— Шутить изволите, поручик? Обыграли меня в карты и довольно! Издеваться над собою я не позволю! — вскипел капитан.

— Отнюдь, господин капитан. Я не шучу и не издеваюсь над вами. Помилуйте меня от этого,— произнес Стасюлевич, прикуривая от свечи папиросу.

— Но, у меня же, ничего нет. Вы выиграли все, что у меня было, даже более того,— капитан в подтверждение своих слов и в доказательство, что у него, действительно, ничего нет, вывернул наизнанку карманы брюк.— Может быть, вы хотите выиграть у меня последние штаны? Пожалуйста! Только уверяю вас, господин поручик, они форменные и без мундира не представляют никакой ценности. Вряд ли вам удастся их кому-нибудь продать.

— Я не претендую на ваши штаны, Денис Арнольдович, и не предлагаю вам играть со мною в карты,— улыбаясь, произнес Стасюлевич, выпуская в потолок табачный дым.

— Тогда во что вы мне предлагаете с вами играть? — удивился капитан.

— Я спишу с вас долг и верну вам ваши деньги, если вы станете у той стены и поставите себе на голову бутыль шампанского, а я стану у стены напротив и из пистоля вышибу в бутылке пробку,— произнес Стасюлевич, указывая рукой в то место, где должен стать капитан. В зале вновь наступила тишина.

— Ну, что же вы, капитан? Не будьте трусом! — засмеялся Стасюлевич.— Я стреляю без промаха.

— Прекратите, поручик, это уже не смешно,— перебил его пожилой штабной офицер.— Вы вышибете из его головы мозги, а не пробку из бутыля.

— Плевать! — вдруг громко выкрикнул Денис Арнольдович.— Плевать! Я согласен. Все равно у меня остался только один выход — это пуля в лоб. Так пусть это сделает за меня кто-то другой, нежели я сам уничтожу себя! Греха меньше! — закричал он и, взяв со стола бутылку шампанского, направился к стене. Застегнув на все пуговицы мундир, он водрузил себе наголову бутылку и, прикрыв глаза, стал читать про себя молитву, шевеля при этом одними губами.

— Александр, прекрати, ты убьешь его и тебя отправят на каторгу,— вполголоса заговорил Колокольцев, схватив Стасюлевича за руку и пытаясь отобрать у него мушкет.

— В сторону! Все в сторону! — приказал Александр Матвеевич, отталкивая от себя Колокольцева.— Вы готовы, Денис Арнольдович?

— спросил Стасюлевич, взводя курок на мушкете. Лицо его пылало, в глазах горели недобрые огоньки, вместо улыбки на лице появилась злая гримаса.

— Палите, поручик! — крикнул капитан после секундного недолгого молчания, продолжая стоять с закрытыми глазами.

Стасюлевич поднял руку с зажатым в ней мушкетом и прицелился. В полной тишине выстрел был похож на хлопок в ладоши. Стоявшая на голове у капитана бутылка с шампанским лопнула и разлетелась на куски, обдав побледневшего капитана маленькими крошками осколков, слегка поранив ему лоб. Вино с шипением брызнуло по сторонам, медленно стекая с головы капитана на его мундир. И в тот же миг тишина взорвалась овациями стоявших доселе молча офицеров.

— Вот ваши деньги, капитан,— проговорил Стасюлевич, протягивая капитану деньги. Тот взял их и несколько мгновений стоял молча. Затем взглянул на Стасюлевича.

— Вы дьявол, Стасюлевич! Ей-богу, дьявол! — тихим голосом проговорил он. Затем обвел всех растерянным взглядом и вдруг закричал: — Шампанского! На все шампанского! — и бросил деньги на стол.

В зале с новой силой зашумели, стали раздаваться выкрики, восхваляющие Стасюлевича и капитана. Один из офицеров спустился на первый этаж, и вскоре стол был заставлен вином. Начали пить.

— Качать поручика! — крикнул переживший страх близкой смерти капитан, разбивая о пол фужер. Он был весел. Бледно-землистый цвет с его лица сошел, и на смену ему пришел свежий, словно выступивший от мороза, розово-красный румянец.— Качать Стасюлевича! — вновь крикнул он и обхватил Александра под руки. В тот же миг множество офицеров обхватили поручика и, взвалив на свои руки, с гиканьем начали подбрасывать его к потолку.

— На улицу, господа офицеры! Все на улицу! Строим фейерверк! — вновь воскликнул счастливый капитан. Затем взял со стола бутылку с шампанским и, подбросив ее вверх, выстрелил из пистолета. Бутылка разлетелась на мелкие осколки, шампанское с шипением разлилось по полу. В зале послышались овации от происходящего, и многие офицеры последовали его примеру. Поднялась беспорядочная стрельба, многие начали подбрасывать бутылки в воздух и разбивать их шашками. Со звоном разлетелось оконное стекло, и в прокуренную, душную комнату ворвался свежий воздух.

— А теперь, господа, к женщинам! — пытаясь перекричать стоявший шум и гвалт, крикнул Стасюлевич.

— К цыганам, господа! К цыганам в Бабурино! — кричал счастливый капитан.